

Часть первая

Девушка-никто

На утренней заре низина выглядела фантастически. Земля здесь неровная, бугристая, изрезанная глубокими трещинами, в которых этим ранним утром клубились лохмотья тумана. Выбираясь на волю из расщелин, туманные сгустки осторожно, будто охотясь, ползли по земле, остывшей за ночь, неожиданно замирали в воздухе и медленно таяли. Между ними выступали горбатые островки, заросшие сухостоем, но и эти пятна, выжженные прошедшим летним зноем, то исчезали в белом сумраке, то через некоторое время выныривали вновь.

Все это молчаливое действо подсвечивало малиновое солнце, отчего и сухостой, и новая поросль, жаждавшая пробиться к жизни, казались нарисованными кистью художника с буйной фантазией, склонного к мистицизму. Точно! Пейзаж мистический... таинственный и... жутковатый...

И совсем непонятно: как на таком огромном пространстве в белом сумраке тумана гражданин Ласкин (абсолютно трезвый, что случалось с ним редко) умудрился набрести на обнаженную девицу. Пространства здесь — ого сколько: хоть вправо, хоть влево, хоть по всем диагоналям и прямым линиям, а Ласкин, словно по указке компаса, шел точно на тело. Нет, в самом деле, не обходить же пустырь — это ж какой крюк надо делать!

В общем, идти по бездорожью заставила мать всех пороков — лень.

А может, не обошлось без нечистой силы? Ведь почему-то Ласкин вышел из маршрутки именно в этом месте, а не чуть раньше или чуть позже. Почему-то не торопился, как обычно, к припрятанной дома бутылочке промочить пересохшее горло и крепко заснуть после ночной смены абсолютно счастливым. Не иначе бесы подшутили над ним, заманив к девчонке.

Главное, сначала, выйдя из маршрутки, он закурил, постоял... А надо было идти, авось прошел бы мимо и не заметил... Да что теперь говорить! Ласкин ждал, когда рассвет наберет силу, заодно свежий утренний воздух, насыщенный по-осеннему влажной прохладой, развеет сонливость, чтобы смело пуститься в путь через овражки и ухабы. А не сломать шею, угодив в глубокую расщелину. Кто его здесь найдет? Да и люди здесь вообще не ходят, кроме тех, кто живет в поселке, ставшем недавно городом. Ага, вот так: раз — и всех сделали городскими по указу.

В общем, когда наконец посветлело, Ласкин сбежал с трассы в низину и двинул напрямик к своему поселку — к новому микрорайону, куда городской транспорт не ходит — одни маршрутки и только днем. Обещают пустить автобусы с троллейбусами, да чего только не обещают городские власти! А пока круглосуточно те же маршрутки бегают лишь в богатый поселок, это в другой стороне. Ласкин тронулся в путь через пустырь.

И вдруг... она! На бугорке. Юная дева лежала от трассы метрах в пятистах, может, больше. Ласкин опешил. Да, простой мужичок Ласкин, переставший считать свои года, высохший, словно стебелек из гербария, встал как вкопанный, растопырив крошечные глазенки, глубоко запавшие в глазницы. Потому что обалдел! Это ж какая красота перед ним в натуральном виде...

Она возлежала на боку, как Венера на старинных полотнах — обнаженная, белотелая, вылепленная из лучшего материала талантливой рукой. И будто плыла по белому морю на маленьком плоту, да нечаянно уснула. Казалось, сейчас откроет глаза и проведет ладонью по каштановым волосам, на которых то ли блески чуть заметно сверкали, то ли роса ловила малиновое солнце.

Да уж, проснется и встрепенется, испугавшись. Потому что увидит вблизи препоганую рожу с распахнутым ртом, в котором нет половины зубов, а те, что есть — лучше не показывать.

Ее укрыл туман, и Ласкин перевел дух, решив: ему все привиделось. Говорят же: те, кто регулярно принимает по пол-литра в день, умом слабеют, им черт-те что мерещится, типа галюники приходят. Ласкин и подумал про себя: «Допился! Белка, что ли, припала ко мне?»

А тут туман задышал, словно живой, то закрывая, то открывая части юного тела, подсвеченного всеми оттенками радостного утреннего солнца.

Однако! В голову вдруг стукнуло: а что это она тут разлеглась голая? Да и вообще, к женским прелестям он давно охладел, так что теперь юная Венера не заставила Ласкина задержаться еще на минуту, чтобы коснуться взглядом упругого тела и полюбоваться игрой света и тени на безупречной коже. Нет, больше она не вызвала в нем ни восторга, ни тем более похоти — какое там!

Едва он понял, что вовсе это не девица, а заурядный труп, окруженный дышащим молочным облаком, Ласкин мгновенно развернулся и дунул назад со всех ног, спотыкаясь, падая и от души матерясь. Крепкие словечки не несли смысла, никому не предназначались, это был выплеск ужаса. Слишком необычна находка для безлюдного места за городом, где в этот час встретить можно разве что сатану.

Вместо того чтобы оставить мертвую девицу на совесть следующего лентяя, решившего идти напрямик через пустырь, Ласкин, выбравшись на трассу, набрал номер полиции на мобильном и завопил в трубку:

— Едите сюда! Я здесь стою... Где? А, да-да-да... Это, я сразу за «мостом» стою один... За городом. На дороге к Луговому... А потому что труп тут! Потому и стою... Да! Тут женский труп лежит себе... раздетый, между прочим!.. Ну, как раздетый... — озадачился насмерть перепуганный Ласкин. — Ну, до совсем... Тю, блин! Голая она, голая! Вам говоришь культурно, а вы никак, да?.. Я нашел ее... Девкин труп тут лежит — скока тебе повторять?.. Ну, конечно, труп убитый!.. Откуда я знаю, кем убитый! Я шо — смотрел, когда ее... (Ласкин стал не на шутку злиться.) Да с работы я шел через пустырь, с работы! А она лежит... Не, ты скажи: вы приедете? Или мне как?.. Жду! На трассе буду стоять, встречу... В чем одет? Так это, кепка у меня... Че ты ржешь? Я один стою, не ошибешься!

Его даже не осенило после звонка срочно дезертировать, что доказывает полнейшее отсутствие серого вещества в котелке. Нет, Вова Ласкин честный товарищ и ответственный, он ждал оперативную группу, выкуривая от волнения по сигарете без фильтра каждые десять минут.

Два с половиной часа спустя...

— Почему вы решили, что она труп, если толком не разглядели девушку? — поинтересовался следователь Павел Терехов.

Как он молод, высок... Положим, Ласкин тоже не короткий, правда, теперь похож на крючок, так ведь жизнь согнула. Однако таких широких плеч никогда не имел Владимир (а по-простому Вова) Ласкин, не имел и костюмов с галстуками, да ни хрена хорошего в его жизни

не было. Этот пацан белобрысый с дурацкими ушами по фамилии Терехов не вписывался в его представления о следователях. Не бывает важных людей с оттопыренными ушами, не бы-ва-ет. Тем не менее молодой человек смазливой наружности, в отутюженных брюках, в добротном рябом пиджаке, в галстукe под тугим воротничком, весь чистенький-чистенький представился следователем. К тому же ищейки, которые расползлись по низине, сунув носы в землю, его слушаются — как тут не верить?

Услышав вопрос, Ласкин подумал, что недаром бытует в народе: представитель органов есть твой злейший враг, а с врагом дел не заводят умные люди. Забыл он эту древнюю истину. Спрашивается: зачем было звонить в полицию? Себе же дороже вышло! Мало того, что прождал сытые морды почти час, переживая за убитую — жалко ведь ее, она такая молоденькая. Потом ждал, когда менты посмотрят на девчонку, наползаются вокруг. Теперь вот допрашивать его принялись!

А в животе у Ласкина кишки государственный переворот устроили, просто в узел завязались, грозя хозяину верной смертью, не ел-то он со вчерашнего вечера. И выпить хотелось, ох, как хотелось принять так грамм сто-двести... триста! Главное, сбегал бы за шкаликом — было бы куда! А некуда, первый магазин с выпивкой черт-те где! Да и денег не особо... А дома бутылочка чистейшего, как слеза младенца, самогона в тайничке!

За время невеселых раздумий Ласкина следователю Терехову показалось, свидетель не расслышал его, Павел повернулся к нему и повторил:

— Почему вы решили, что она труп? По каким признакам?

Станный вопрос, тем не менее помятая, в складках, как у шарпея, физиономия Ласкина напряглась. И под глазом задергалась жилка, будто там червячок кончал-

ся в предсмертных судорогах. Конечно, он занервничал, под кепкой закопошились остатки рабочих извилин, но их было слишком мало. Мало, чтобы на простейший вопрос ответить так же незамысловато! Натруженными пальцами с черноземом под ногтями, между которыми дымилась дешевая сигарета, Ласкин утер нос и виновато пролепетал:

— Это не я. Не я ее... честно.

— Не вы, не вы, — успокоил свидетеля Терехов. — Я знаю.

— А че тогда такой вопрос кидать? — недоверчиво буркнул тот.

Непроизвольно Терехов вскинул брови, но как тут не поразиться логике человека, который никак не тянет на мыслящее существо? А вопрос следователя не был хитро выстроенной ловушкой, вырвался нечаянно — так, мысль вслух.

— Спрашиваю потому, — миролюбиво объяснил следователь, — что в данном случае определить за секунды насильственную смерть под силу только крайне наблюдательному и сообразительному человеку.

Терехов, в общем-то, сделал комплимент, и Ласкин, успокоившись, что в душегубы его не зачислили, раздулся от важности и хмыкнул, пожав плечами:

— А че тут соображать? Лежит раздетая, так? Чего она лежит, за городом-то? И холодно... в смысле... ночью холодно, а девка без всего. Выходит, не сама разделась, не сама разлеглась, так? А раз не сама, то ее... ну, ты понял, да? И выкинули сюда.

— Павел! — позвала следователя Ольга Коноплева.

Извинившись, что приятно поразило Ласкина (начальствующий народ нынче не шибко вежливый), Терехов спустился с бугорка, перешагнул через расщелину и очутился рядом с Олей, сидевшей у трупа девушки на раскладном стульчике.

При определенных манипуляциях с косметикой Ольга смотрелась бы красоткой, на маловыразительном лице можно нарисовать все что угодно, но! Двадцатидевятилетняя Оля женщина властная, с характером, энергии в ней через край, что отталкивало от нее прежде всего мужчин. Не удивительно — превыше всего подобные дамы ставят собственные интересы и карьеру, а любому человеку хочется тепла, ласки, заботы. Впрочем, поток сознания, захватывающий Павла по тому или иному поводу, сейчас не имел отношения к делу.

Его тень упала на тело жертвы, к тому времени ее изрядно поворочали, осматривая. Солнце взошло высоко, отчего пропал романтический ореол, спящей богиней на плоту девушка больше не казалась. Наверняка при жизни она и была богиней, нравилась мужчинам всех возрастов, хотя на данный момент трудно об этом судить, так как смерть меняет человека с первых же минут. И как меняет! Стали отчетливо видны следы кровоподтеков на запястьях и щиколотках, кожа приобрела характерный восковой оттенок, черты лица слегка расплылись и на глазах теряли привлекательность.

— Что скажешь? — обратился Терехов к Ольге: позвать позвала, а сама сидит, копаясь в кейсе, будто не видит, что он подошел.

Она поднялась, потирая поясницу, будто старая бабка — какая показуха, мол, тружусь-горю на работе:

— Следы насилия ты видишь и без меня, но это не одно и то же с насильственной смертью.

— То есть?

— Связанные руки и ноги не могли стать причиной смерти. Не исключено, что она практиковала садомазохистский секс, ей связывали руки и ноги. Это сейчас в ходу, а возраст идеально подходит для сексуальных игр, как говорится, при отсутствии интеллекта телом управляют гормоны с инстинктами.

За вполне разумным объяснением Павел разглядел и рисовку: Оленька старалась понравиться ему, да не тот метод избрала, он любитель простоты, понятности, открытости, душевности. Но это тоже к делу не относится, Терехов поймал себя на мысли, что постоянно отвлекается, и вернулся к труп:

— С чего сделан вывод, будто у нее отсутствует интеллект? Я вот не могу определить: умной, начитанной, образованной она была или душой. И садо-мазо... сомневаюсь. В этом возрасте хочется настоящих страстей и чувств.

— А я не утверждаю, — улыбнулась Оля. — Я предполагаю. Молодым, может, и хочется настоящих чувств, но старичкам подавай кайенского перца в сексе и юных дев без всяких там чувств, кроме похоти. Девы идут на все условия, чтобы заработать, прости, но заработок подобного рода у меня лично не соотносится с интеллектом.

— И все же, Оля, что тебя натолкнуло на подобные мысли?

— Сам посмотри: на теле нет кровоподтеков, которые обычно указывают на борьбу, ведь нет же. Только на запястьях и щиколотках, к тому же аккуратные. Отсюда и вывод: девушка дала себя привязать, а в процессе игры типа сопротивлялась — по желанию клиента. Не убедила?

— Вполне, — кивнул Павел. Собственно, возразить ему пока нечем.

— Между прочим, я позвала тебя, чтобы сказать: труп можно возить.

— Значит, секс был, — подытожил Терехов.

— Полагаю, был, точно скажу после исследования этого прекрасного тела. А признаков убийства...

Не договорив, Ольга развела руками в стороны — жест красноречивее слов, однако Терехову этого мало:

— Но хотя бы примерно можешь сказать...

— Не могу, — не дослушала она. — Вот посмотрю, что у нее внутри, изучу каждый сантиметр и, может быть (!), станет ясно — убийство это или недоразумение. Кстати, умерла она часа три назад, не больше.

— Шутишь? — не верилось Терехову. — Мы здесь уже два с половиной часа! Ее что, привезли сюда живой?

Оля сняла латексные перчатки, вынула из пачки сигарету и остановила взгляд бледно-голубых, почти бесцветных глаз на трупе. Самое примечательное в облике Оли — глаза и неестественно белоснежная, словно ее никогда не касались солнечные лучи, кожа. Но что это с ней? Взгляд Оленьки стал туманным, на лицо легла призывно-сексуальная тень...

О чем это говорит? Ему — ни о чем. Во всяком случае, Олины флюиды до Павла не долетали, даже если он находился на расстоянии вытянутой руки, как сейчас, но ощущать — ощущал их. Разумом. Вот такие дела. Павел сам пока не определился, какие женщины ему нравятся: все симпатичные, при этом — никто конкретно.

Прикинуться шлангом — самый подходящий прием, и Павел отвел взгляд, будто ничего не заметил. Ольге только и оставалось вернуться к своим прямым обязанностям; небрежно указав на Ласкина, она начала:

— Когда ее нашел тот бомж...

— Он не бомж. — Не любил Павел высокомерия ни по отношению к себе, ни по отношению к другим. — У него есть паспорт, прописка и работа.

— Ну, алкаш — какая разница?

— Между прочим, он мог убежать, но Ласкин позвонил в полицию.

— Ласкин? — приподняла брови Оля. — Симпатичная фамилия.

— Он тоже. Ну, так что насчет «умерла три часа назад»?

— Приблизительно! — уточнила Ольга, закуривая. — Когда этот... э... Ласкин нашел ее, она либо еще дышала, либо только-только умерла. Я сужу по температуре тела и температуре окружающей среды, вычисляется средний показатель времени, за которое остывает тело, что мы сделали сразу, когда приехали. Она не остыла, но реанимировать было поздно, начались необратимые процессы. Далее. Ниже ягодицы есть свежая царапина с запекшейся кровью, а в коже застряла небольшая колючка от растения, оно произрастает здесь в неисчислимом количестве. Вот, вот и вот...

Ольга показала растения с фигурными колючками, возможно, это листья, ссохшиеся до колючек, Павел с флорой не дружил, отличить мог только клен и дуб. Эти растения оплели желтые и оранжевые нити повилки, в народе говорят, повилка душит растительность насмерть. Кстати, с этим «душителем» он тоже знаком, мама как-то купила на рынке цветов в горшке, потом спасала его от этих «ниток», которые неизвестно откуда брались.

— На ступни ее взгляни, — подсказала Ольга.

Терехов присел, надеясь заметить вблизи мелкие детали, как Оля заметила царапину, и по ним выстроить приблизительную картину происшествия. А ноги у трупа — залюбуешься: безупречной формы, кожа гладкая, с неброским золотистым загаром, аккуратным педикюром. И все.

— Посмотри, какие чистенькие у нее пяточки, — заговорила над ухом Терехова Ольга. — Как из баньки.

— Если б она шла сама, ступни были бы грязные, — согласился он, про себя рассыпавшись в благодарностях ей за подсказку.

— И на ногах было бы больше царапин, по всей длине ног, колючек-то здесь целое море.

— Ее принесли сюда. Иначе и быть не может, в обнаженном виде не бегают по полям в одиночестве.

— Когда несли, она была жива, о чем говорит характерная царапина на бедре. Капля крови стекла не по ноге, а по бедру — жива она была, Павел, жива. Несли двое, по всей вероятности.

— Значит, живую бросили на этом пустыре...

— Остальное расскажу после вскрытия. Эй, ребята! — подозвала Оля полицейских. — Забирайте девочку.

Терехов осматривал землю в надежде заметить то, чего ни Ольга, ни полицейские не увидели. Ненароком его взгляд попал на жалкую фигуру, стоявшую неподалеку, и встретился с глазами Ласкина, о нем он совсем забыл. Бывает, совершенно посторонний и далеко не умный человек вдруг подкидывает ценную мысль, поэтому Терехов решил продолжить диалог с мужичком.

— А с чего вы решили, что ее выкинули? — спросил Терехов.

Ласкин ухмыльнулся, дивясь бестолковости Терехова и не понимая, как тому доверили следовательскую работу. Он же молокосос лет тридцати! Ну, может быть, тридцати с хвостиком, а может, и до трех десятков не дотянул — какой из него следак?

— Пф-пф-пф... — затрясся Ласкин, смеясь, следом закашлялся хрипло-сиплым кашлем безнадежно отравленного никотином и смолами курильщика. — Ну, глянь сам: одежда ее где? Нету? Значит, разделась она в другом месте, так? Если б просто умерла, не валялась бы здесь бесхозная, ей вызвали бы «Скорую», так? А раз привезли сюда, значит?.. Правильно: скрыть чего-то хотели. Ну, сам подумай: что скрывают? А может и так: она большая какая, а ночью с пацаном миловалась-целовалась ну и нечаянно померла. Случаев таких полно, у нас вон один мужик зажиточный с бабой в посадке... кхе-хе... так и помер. С бабами, пардон, девушками тоже такое случается, вам же потом не докажешь, что сама ласты склеила.